

Джеймс Р. Гибсон

КАМЧАТСКОЕ ЧУВСТВО ТОВАРИЩЕСТВА: ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ КАПИТАНА КУКА И ГУБЕРНАТОР МАГНУС ФОН БЕМ

(Перевод О. В. Ефимовой)

Весной 1779 г., после того, как Джеймс Кук был убит на Гавайских островах, два корабля капитана направились на Камчатку для проведения ремонта и пополнения судовых припасов перед второй, оказавшейся неудачной, попыткой найти северо-западный проход из Берингова пролива в Северную Атлантику, после чего летом корабли вернулись на полуостров. Петропавловск был превосходной гаванью, но кроме рыбы и древесины эта удалённая, малонаселённая и слабо развитая территория мало что могла предложить английским морякам – подавленным, измученным, истощённым, в истрёпанной одежде. Кроме того, русские с подозрением относились к задачам, выполняемым экспедицией, опасаясь, что будет нарушена их монополия на выгодную торговлю каланом в северной части Тихого океана. Тем не менее, губернатор Камчатки Магнус фон Бем с великодушием и щедростью оказал помощь английской эскадре (частично за собственный счёт) с тем, чтобы корабли были основательно подготовлены к обратному плаванию через Кантон в Англию. В дальнейшем Бем был доведён до бедности служебными и личными неудачами, и в 1799 г. он отправился в Лондон, надеясь получить финансовую поддержку от благодарной нации, – но тщетно.

Ключевые слова: Камчатка, северная часть Тихого океана, третье плавание Джеймса Кука, Магнус фон Бем, капитан Чарльз Кларк, Петропавловская гавань, англичане на Камчатке.

James R. Gibson

KAMCHATKAN CAMARADERIE: CAPTAIN COOK'S THIRD VOYAGE AND GOVERNOR MAGNUS VON BEHM

(Translated by Olga V. Efimova)

After Captain James Cook was killed by disaffected Hawaiians, his two ships put in to Kamchatka in the spring of 1779 for repairs and supplies before a second abortive attempt to find a Northwest Passage from Bering Strait to the North Atlantic, and returned to the peninsula in the summer. Petropavlovsk was a superb harbor but the remote, thinly populated, and weakly developed territory itself had little to offer the dispirited, underclothed, malnourished, and exhausted English seamen, apart from fish and timber; most provisions and manufactures had to be imported and were scarce and costly. Moreover, the Russians were suspicious of the expedition's motives and fearful that it would break their lucrative monopoly on the North Pacific sea otter trade. Nevertheless, the Russian governor of Kamchatka, Magnus von Behm, came graciously and generously to the squadron's rescue by ensuring (partly at his own personal expense) that it be sufficiently reoutfitted before returning to England via Canton. Thereafter Behm was impoverished by professional and personal misfortunes, and he travelled to London in 1799 in the hope of obtaining financial relief from a grateful nation – but in vain.

Keywords: Kamchatka, North Pacific, Third Voyage of James Cook, Magnus Von Behm, Captain Charles Clerke, Petropavlovsk Harbor, the English in Kamchatka.

В 1779 г. Джеймс Кук во время зимовки на островах, названных им в честь Первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича, – стареющий, усталый и больной, – становился всё более нетерпимым по отношению к членам своих экипажей, а к гостеприимным гавайцам относился чрезвычайно властно и требовательно, что привело к его гибели от их рук [1]. Люди Кука в ответ на смерть капитана совершили немало убийств и грабежей, а затем, в конце зимы, покинули субтропический архипелаг на двух шлюпах эскадры: старом флагманском корабле «Резолюшн»

и меньшем по размеру, потрепанном «Дискавери», – на этот раз под командованием больного туберкулёзом капитана Чарльза Кларка.

Экспедиция направилась на север к Берингову проливу, предпринимая вторую попытку отыскать Северо-Западный проход. Однако по пути пришлось сделать остановку на Камчатке – полуострове длиной 800 миль, глубоко вдающемся в воды северной части Тихого океана, – с тем, чтобы найти воду и древесину, провести ремонт, пополнить запасы, отдохнуть и удовлетворить плотские желания, поскольку им не

удалось выполнить эти задачи до возникновения вражды с обитателями Гавайских островов. И корабли, и их экипажи были в плачевном состоянии. Джордж Гилберт, мидшипмен с «Резолюшн», отмечал, что 184 человека были *«довольно сильно подавлены»* потерей командира и перспективой проведения ещё одного тягостного исследования того, что русские очень точно называли «Ледяное море» [2, с. 127].

Также, добавлял Гилберт, через две недели после начала плавания корабли попали в *«очень сильный шторм»*, что привело к тому, что на «Резолюшн» образовалась сильная течь, а подойдя в конце апреля к Камчатке, они столкнулись с морозом, снегом и снегом с дождём, и *«испытывали большую суровость холода, чем когда-либо прежде»* [3, с. 129].

Члены экипажа, по словам капитана Чарльза Кларка, *«после поджаривания на солнце в последние несколько месяцев в тропиках сейчас отчаянно страдают от холода»*, поскольку *«любимые похождения держали их нагими, как при рождении»* [4, с. 637, 644], а вахинам (полинезийским женщинам), – мог бы он ещё добавить, – оставили венерические болезни.

Капрал морской пехоты, американец Джон Ледьярд с «Резолюшн» (уже под командованием Кларка) вспоминал: *«В это время мы нуждались во многих европейских товарах, которые обеспечивали бы не только комфорт нашим людям, но и безопасность кораблей <...>. И если бы мы не утонули, то, без какой-либо помощи, должны были погибнуть от голода»*, поскольку *«наш корабль был довольно сильно изношен. Половину пути мы откачивали и вычерпывали воду»* [5, с. 163]. Рацион (в основном свинина, ямс, хлеб или мука) был уменьшен вполовину.

Прибытие экспедиции на Камчатку было столь же безрадостным, как и отплытие с Гавайских островов. Члены экипажей были удручены зимой, чье господство затянулось на полуострове, который, как писал лейтенант Джеймс Кинг с «Резолюшн», *«был покрыт снегом, и воображение не могло бы нарисовать более тоскливую картину... очень мрачный, пустынный вид»* [6, с. 650].

Место якорной стоянки в Авачинской бухте было, по общему признанию, великолепной гаванью, которая, как и залив Сан-Франциско, являлась кальдерой, затопленным водой кратером потухшего вулкана, – глубокой, защищённой, просторной, с обилием рыбы, пресной воды и пригодного к использованию леса (хотя и без умеренного климата Сан-Франциско и его

отдалённых от побережья плодородных земель) [7, с. 311]. Половина бухты была всё ещё скована льдом, и сошедшая с корабля группа под руководством лейтенанта Кинга вынуждена была добираться до Петропавловска в течение часа по льду сквозь туман. Поселение, унылый и заброшенный вид которого усиливался величественно возвышающимися в отдалении снежными вершинами вулканов (сопок), – подействовало на пришедших угнетающе. Перед ними на косе стояли *«немногочисленные бревенчатые дома и несколько конических хижин, поднятых на столбы, общим числом около тридцати»* [8, с. 184].

Мидшипмен Гилберт был поражён *«крайне жалким обликом»* и домов, бывших, по его описанию, *«примечательно грязными»*, и их обитателей, которые были *«грязны собой»* так же, как и их одежда [9, с. 134]. Незадолго до этого поселение было частично уничтожено пожаром (как происходило каждые четыре-пять лет с построенными из дерева селениями России), и оно всё ещё оправлялось от последствий оспы, случившейся десять лет назад [10, с. 88].

Измощённый вид страдающих от цинги жителей поселения привёл прибывших в уныние. Они появились здесь в то время года, когда наступает «наибольшая скудость» – период между окончанием зимних запасов и наступлением летнего обилия свежей рыбы, дичи и местных съедобных растений, а также ежегодным приходом судна с припасами из Охотска [11, с. 212, 666]. Лейтенант Кинг отмечал, что *«все солдаты были поражены цингой в большей или меньшей степени, а некоторые были уже на последней стадии болезни»*, и что *«остальные русские были в том же состоянии»* [12, с. 137, 247].

Ситуацию усугубило то, что когда люди лейтенанта Кинга встретили собачью упряжку, её погонщик моментально исчез, затем другой сделал то же самое, и вскоре после этого перед ними оказался отряд из тридцати вооружённых солдат. Когда несколькими днями позже русские представители, наконец, посетили «Резолюшн», они, по словам Кинга, выказали *«большое удивление и даже страх»* [13, с. 195, 650, 653]. Одной из причин этого было ошибочное представление английских судов пакетботами, а не военными кораблями, в рапорте об экспедиции, который предыдущей осенью русский промышленник (охотник / торговец пушниной) на Уналашке – одном из Алеутских островов – составил и доверил англичанам доставить его в Петропавловск [14, с. 181].

Кроме этого, до тех пор Камчатку никогда не посещали иностранные суда. Русские болезнен-

но воспринимали тот факт, что полуостров имел слабую военную защищенность, особенно после бунта, организованного здесь в 1771 г. ссыльным словацким авантюристом Морицем Беньёвским, сбежавшим по морю через Кантон в Европу, чтобы рассказывать там свои невероятные истории [15, с. 526, 757]. К тому же русские предпочитали не афишировать свои имперские планы в северной части Тихого океана [16], поскольку хотели сохранить монополию на чрезвычайно выгодную торговлю шкурами калана точно так же, как они пользовались монополией на торговлю мехом сибирского соболя. Лейтенант Джон Рикмен с «Дискавери» отмечал, что *«русские ревниво относятся к торговле на севере, на которую они смотрят так же, как мы в прошлом – на торговлю с Америкой: как на принадлежащее им право, основанное на приоритете открытия...»* [17, с. 343].

Более того, как и в Сибири, русские, в основном, не имели серьёзных конкурентов ни в экономике, ни в геополитике со стороны иностранцев или аборигенов (за примечательным исключением сопротивления казахов в степях западного Туркестана и противостояния с маньчжурами в долине р. Амур), а третья экспедиция Кука грозила подорвать это исключительное преимущество [18, с. 301, 437].

С учётом этих, вполне реальных, опасений, неудивительно, что по получении известий о прибытии экспедиции, вопреки заверениям в рапорте Измайлова из Уналашки, что Кук прибыл *«с добрым намерением»*, губернатор Камчатки созвал военный совет в Большерецке – столице Камчатки, расположенной на западном побережье [19]. Было определено, чтобы на всякий случай *«ко охранению здешних селений и обитателей учинить предосторожности»* до тех пор, пока не будут определены намерения английских моряков: в Петропавловск направить двадцать солдат и казаков, вооружить купцов и промышленников в округе Петропавловска с тем, чтобы дать отпор любому нападению на порт со стороны прибывших [20, с. 19, 185].

Заместитель губернатора не доверял иностранцам и докладывал о своих опасениях губернатору Сибири в Иркутск, подчёркивая уязвимость отдалённого, недостаточно укомплектованного людьми, недостаточно обеспеченного и недостаточно защищённого полуострова [21, с. 21, 418]. Этот рапорт был направлен в Санкт-Петербург, и императрица Екатерина II приказала немедленно укрепить полуостров *«так как путь туда сделался уже известен иностранцам»* [22, с. 277].

Опасения русских усугублялись ещё одной проблемой: на Камчатке была нехватка припасов, в которых так остро нуждались англичане, и цены на них были очень высоки. Полуостров был малонаселённым и слабо развитым, без излишков сельскохозяйственных или промышленных товаров. Поэтому большая часть продуктов, за исключением рыбы и леса, завозились издалека по высокой стоимости [23]. Поистине, для самих же русских Камчатка была синонимом примитивного захолустья [24, с. 201–211]. Гилберт отмечал, что товары *«все были чрезвычайно дорогими и наихудшего качества»*; и мука, и говядина *«чрезмерно дорогие»* – дороже в семь-восемь раз, а промышленные товары – в три раза, чем в Англии [25, с. 658].

Цель экспедиции находилась под угрозой этих неблагоприятных обстоятельств. Летом 1778 г. её достижению воспрепятствовали паковые льды Северного Ледовитого океана, а на этот раз причиной поражения могли стать политические и экономические обстоятельства, сложившиеся на Камчатке летом 1779 г. И в этот критический момент вмешательство губернатора Камчатки пришлось на помощь многострадальным англичанам.

Магнус Карл фон Бем (Матвей Карлович фон Бем, 1727–1806), уроженец Ливонии, был одним из длинного ряда обрусевших балтийских немцев, пожалованных в дворяне, которые с начала XVIII в. поступали на российскую государственную службу. Служили блестяще, будучи хорошо образованными, знающими языки, повидавшими мир и нередко прославленными гражданскими и военными (особенно военно-морскими) чиновниками [26, с. 1–15, 33–47]. В 1772 г. Бем был произведён в премьер-майоры и назначен губернатором Камчатки, получив предписание императрицы привести полуостров в лучшее устройство. За время своего почти шестилетнего пребывания в должности, Бем усилил защиту полуострова, устроил солеварню, железоделательный завод, казённую ферму. Но объезжая в любое время года управляемую им обширную территорию, часто при этом передвигаясь пешком, он подорвал здоровье, что побудило его уже в 1776 г. подать прошение об освобождении от возложенных на него обязанностей.

Бем уже передал должность своему заместителю и собирался покинуть Большерецк, когда курьер известил о прибытии английской эскадры. Он принял решение остаться во главе управления и пригласил капитана Кларка в сто-

лицу [Большерецк. – О. Е.]. Кларк был слишком болен для путешествий и послал делегацию, в состав которой входил и художник Джон Вебер, владеющий немецким и французским языками. С его помощью моряки рассказали о цели своего плавания и острой нужде в судовых припасах и провизии, а Бем – по мнению капрала Ледьярда, «приятный, разумный, хорошо воспитанный человек» [27, с. 196] – отреагировал немедленно и великодушно, заверив, что все их пожелания будут удовлетворены «достаточно, и за наш счёт» [28, с. 185]. Губернатор бесплатно снабдил экспедицию скотом и зерном, а из собственных запасов выдал сахар, чай и 400 фунтов табака для остро нуждавшихся в нем матросов (которые были настолько благодарны, что предлагали взамен отдать полагающийся им грог), а также передал особые продукты для умирающего Кларка. Он также принял от своих гостей документы, официальные и личные, для быстрой доставки их английскому послу в Санкт-Петербурге, помогая таким образом сохранить материалы экспедиции, включая личный дневник Кука (документы достигли Лондона в январе 1780 г.).

Английские офицеры бурно восхваляли благодеяния Бема, которые Генри Робертс, помощник штурмана с «Резолюшн», называл «необычайной любовью и безграничной щедростью» [29, с. 673]. Кинг писал, что «ничто не может превзойти внимательность и дружелюбие этого достойного губернатора <...>. Едва мы успевали намекнуть о наших нуждах, как отдавался приказ об их исполнении с незамедлительностью, о которой можно только помыслить. Одним словом, казалось, что их самым горячим желанием и наибольшим стремлением было способствовать нашему удобству и удовлетворению». Он добавлял:

«Если бы в каждой стране, которую могут посетить чужестранцы, дела велись такими людьми как Бем, какой честью это обернулось бы для их государей, и для страны, и какого признания заслуживала бы сама человеческая природа <...> будучи человеком широко мыслящим, он делал всё, что было в его силах, для нашего предприятия, считая его направленным на общественное благо всех стран; а как человек гуманный, он оказывал всяческое содействие, интересовался нашими бедами и облегчал их, насколько позволяли средства. Своими делами он приумножил славу своей Царственной Госпожи и своей страны, а также показал хороший пример всем людям такого же положения» [30, с. 673].

Со своей стороны Бем говорил, что «не мог бы более угодить своей Госпоже, чем оказать всяческую помощь её друзьям и союзникам англичанам, и будет к её удовлетворению узнать, что в столь отдалённой части её владений нам было принесено некоторое облегчение» [31, с. 226].

Губернатор отправился из Большерецка в Петропавловск вместе с возвращающейся делегацией англичан для того, чтобы, по словам Кинга, «самому быть свидетелем того, что для нас делается всё, что было возможно» [32, с. 219]. Его приветствовали салютом из пушек обоих кораблей и принимали на борту «Резолюшн» в течение двух дней и ночей, с оказанием всех возможных почестей со стороны офицеров, а его отбытие сопровождалось вручением «нескольких знатных подарков» [33, с. 346] и троекратными прощальными криками матросов. Перед своим возвращением в Большерецк и отправлением в Санкт-Петербург Бем выдал капитанам обоих кораблей указы, содержащие предписания для всех русских мореходов и промышленников, которые могли им повстречаться там, что, не противореча логике, называлось «Восточным океаном», «об обхождении с ними со всякою благосклонною ласкою и о нечинении озлоблений» [34, с. 185].

Бем предположил, и оказался прав, что «более чем вероятно», Кларк не обнаружит арктический проход и вернётся на Камчатку осенью, и к тому времени, по его обещанию, эскадру будут ждать прибывшие из Охотска припасы [35, с. 227].

12-го июня отбытию экспедиции грохотом и огнём салютовало извержение активного Авачинского вулкана, которое за два часа покрыло «Резолюшн» и «Дискавери» слоем пепла толщиной в четверть дюйма и осыпало палубы от двух до трёх хандредвейтов гальки [36, с. 227] [хандредвейт – старая английская мера веса = 50,8 кг. – О. Е.].

И вновь достижению цели экспедиции помешали паковые льды на 71° северной широты. По свидетельству Самвелла, был сделан вывод: «Лед...создаёт препятствие, которое делает судоходный проход по этому пути совершенно невыполнимым» [37, с. 269].

«Дискавери» был сильно повреждён льдом, дал течь, и уровень воды внутри корабля поднимался на 6–7 дюймов воды в час [15–18 см. – О. Е.], когда 13 августа эскадра с трудом добралась до Петропавловска, на этот раз под руководством капитана Джона Гора. Кларк скончался тремя днями ранее от чахотки (той же болезни, от

которой Кингу суждено будет умереть пятью годами позже). Люди были измучены и подавлены новой неудачей и потерей командира. Однако знание того, что через Кантон они направятся домой, служило им поддержкой. На этот раз полуостров, по словам лейтенанта Джеймса Барни, *«выглядел наипрекраснейшим образом; Камчатка летом и Камчатка зимой едва ли может быть названа одним и тем же местом»* [38, с. 146, 365]. Корабли были вновь пополнены запасами муки и говядины, а также обещанными корабельными припасами, – и всё это было предоставлено им бесплатно.

В начале октября, после, по словам Гилберта, *«утомительного пребывания в течение семи недель»* [39, с. 151], во время которого проводился ремонт кораблей, обеспечение их запасами провизии, древесины, воды и балласта, экспедиция Кука отправилась на юг, в Кантон. Шестинедельное пребывание там оказалось трудно выносимым из-за дорогой и посредственной, хотя и обильной, провизии, скудных корабельных товаров и неопределённой политической ситуации. Но оно имело большое значение – эскадра получила подтверждение прибыльности торговли каланом в северной части Тихого океана. Публикация этих сведений в 1784 г. в первом (официальном) издании дневников Кука и Кинга породила погоню английских и американских торговцев за наживой на «мягком золоте» в этих водах [40, с. 387, 437, 441]. Наконец, в октябре 1780 г., «Резолюшн» и «Дискавери» достигли р. Темзы, завершив то, что Гилберт назвал *«долгое, утомительное и неприятное плавание, продолжавшееся четыре года и три месяца, во время которого мы потеряли только семерых человек от болезни <...> и трёх от несчастного случая»* [41, с. 157].

Между тем камчатский покровитель экспедиции направлялся по суше в Санкт-Петербург. Поскольку Бем отошёл от должности до своего отъезда, он, чтобы добраться до имперской столицы, вынужден был четвертные прогоны *«проезд для четверых человек. – О. Е.»* – для себя и своей семьи, и провоз багажа – оплачивать из собственного кармана, что было, как писал Бем, *«к крайнему моему разорению»* [42, с. 43]. За услуги, оказанные Великобритании, он получил золотую табакерку от английского посла и большую серебряную вазу от *«Британского. – О. Е.»* Адмиралтейства. Однако вазу как собственность государства вскоре у него забрали, чтобы поместить в музей.

Испытывающий нужду майор обращался за милостью к императрице, ссылаясь на свою

неспособность к дальнейшей работе в силу долгой усердной службы, слабеющего зрения и преклонного возраста, а также на расходы, понесённые в связи с предоставлением провианта английской эскадре, – но безуспешно. Его положение ухудшилось в 1785 г., когда доходы от семейного поместья были конфискованы в пользу кредитора в качестве обеспечения кредита для брата его жены. К счастью, двумя годами ранее он был назначен председателем магистрата в Риге, но потерял эту должность в связи с её упразднением в 1797 г. преемником Екатерины, её деспотичным сыном Павлом I, постаравшимся отменить некоторые из реформ, проведённых его матерью.

Тем временем, в 1795 г. муж младшей дочери Бема, камергер Карл Антон де Ла Гард, богатый дворянин при польском дворе, потерял свою должность, когда третий раздел Польши стёр страну с карты Европы. С целью поправить своё положение, Карл отправился в Англию, где обратился к сэру Джозефу Бэнксу – покровителю наук, президенту Королевского общества, пользующемуся влиянием. Бэнкс запросил у Бема рекомендации. В ответ на это в 1797 г. Бем приехал в Лондон, чтобы поддержать своего зятя, и написал Бэнксу: *«Я сам посоветовал ему поехать в Англию попытать счастья в этой благородной и щедрой стране, твердо веря в то, что моё имя там не забыто»* [43, с. 4]. Одновременно Бем обратился к нему с просьбой по собственному делу, а де Ла Гард, с тем, чтобы напомнить англичанам о долге их страны перед русскими на Камчатке и особенно перед его тестем, заказал два красочных (и образных) эстампа, изображающих, как экспедиция Кука прибывает на полуостров, и как она его покидает: один был предназначен Бэнксу, а другой – Адмиралтейству [44, с. 19].

Обращаясь за помощью к Бэнксу, Бем направил ему летом того года с места жительства своего зятя в Лондоне четыре письма на сносном английском [45, с. 43]. В первом письме он сообщал: *«Однажды, будучи Губернатором Камчатки, я имел счастье оказать дружеский приём и помощь благородной и щедрой английской нации, с пожертвованием из собственного небольшого состояния, прибывшим на Камчатку 18 апреля 1779 г. двум экспедиционным судам под командованием капитанов Кларка и Гора»*. Он также писал:

«У меня никогда не возникло бы мысли умолять такую благородную Нацию о какой-либо помощи, если бы, к несчастью, я не лишился

своей должности Президента Магистрата в Риге в результате упразднения суда, и тем самым, без вины, потерял то последнее, что имел для проживания, и сейчас, когда в возрасте семидесяти двух лет испытываю величайшую нужду и лишения, я оказался вынужден, по крайней необходимости, смиренно сообщить вам о своих несчастьях и просить благородную и щедрую английскую нацию оказать мне великодушную помощь в виде маленькой пенсии или любой другой поддержки для избавления от нужды в моем преклонном возрасте и бедственном положении».

Бэнкс довёл информацию о бедственном положении Бема до сведения Адмиралтейства и посоветовал обратиться с письмом непосредственно к секретарю Адмиралтейства, который через некоторое время ответил через Бэнкса, что, учитывая концентрацию внимания и расходов Британии на надвигающейся войне с наполеоновской Францией, «с сожалением сообщая, что Е[го] С[ветлость] сэр Джордж Спенсер, Первый лорд Адмиралтейства, не видит возможности предоставления полковнику какой-либо помощи от данного ведомства». В своём третьем письме Бем пояснял, что осуществлял снабжение «Резолюшн» и «Дискавери» в основном на собственные средства, и что король Георг III приказал возместить русским расходы, но императрица Екатерина посчитала, что все поставки будут приняты на счёт казны и отказалась от оплаты.

Тем временем помощь, к счастью доброго старого полковника, поступила от соотечест-

венника – его друга, бывшего некогда губернатором Ливонии, Александра Беклешова, который, будучи влиятельным членом Сената и генерал-прокурором Российской империи, сумел выхлопотать для Бема 1000 рублей пожизненного [ежегодного. – О. Е.] пансиона и чин статского советника [46, с. 14]. В своём последнем письме Бем сообщил Бэнксу об этой неожиданной удаче, но добавил, что ему всё ещё нужны деньги для покрытия небольших долгов, которые у него вынужденно возникли в Англии, чтобы он смог уехать, оставаясь честным человеком. Помог ли ему с этим Бэнкс, остаётся неизвестным.

Несмотря на неблагоприятное для здоровья губернаторство на Камчатке и последующие невзгоды, можно предположить, что Бем дожил без особых проблем, если не сказать благополучно, до 79 лет и умер в 1806 г.

Не вызывает особого удивления тот факт, что обращение Бема к Бэнксу с просьбой оказать ему помощь в ответ на щедрость, проявленную по отношению к членам экспедиции, не было успешным, принимая во внимание вероятность того, что Бэнкс получал множество таких ходатайств, два десятка лет, прошедших со времени *beau geste* [благородного поступка. – О. Е.] Бема, и уход из жизни большинства главных участников третьего плавания Кука. И тем не менее великодушный ливонец заслуживал лучшего отношения со стороны родины моряков, для которых он так много сделал, – этот час не был для Англии звёздным [47].

1. Кук, вернувшийся из отставки, чтобы возглавить экспедицию, был на тот момент в возрасте 51 года (что почти на 10 лет превышало среднюю продолжительность жизни британца в то время), уже прошёл первую половину своего третьего, 4-летнего, кругосветного плавания и, вероятно, страдал от воспаления или непроходимости кишечника.
2. Gilbert G. Captain Cook's Final Voyage: the journal of midshipman George Gilbert. Horsham : Brian Clouston, 1982. P. 127–128.
3. Там же. P. 129.
4. Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery 1776–1780. Woodbridge : Boydell, 1999. III, pt. 1. P. 637, 644.
5. Ledyard J. A Journal of Captain Cook's Last Voyage to the Pacific Ocean and in Quest of a North-West Passage between Asia and America, Performed in the Years 1776, 1777, 1778, and 1779. Chicago : Quadrangle Books, 1963. P. 163–164.
6. Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery... P. 650.
7. Cook J., King J. A Voyage to the Pacific Ocean : 4 vols. London, 1784. Vol. 3. P. 311, 315. Лейтенант Кинг писал, что Авачинская бухта «является, возможно, самой большой и безопасной [гаванью]... из тех, что были до сих пор открыты [экспедицией]... поскольку она – единственная гавань в этой части мира, которая в состоянии принять корабли любой грузоподъёмности». Он также писал: «Гавань Святых Петра и Павла – одна из самых удобных из когда-либо виденных мной небольших гаваней. В ней могут с удобством разместиться полдюжины кораблей, пришвартованных носом и кормой, и она пригодна для проведения любого вида ремонта».
8. Там же. P. 184.

9. *Gilbert G. Captain Cook's Final Voyage...* P. 134, 135.
10. ОР РНБ [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки]. Ф. F.IV.815. Л. 25. *Хлебников К. Т.* Письма о Камчатке; *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки / ред.-сост. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский, 2008. Вып. 2. С. 88. Болезнь была завезена инфицированным казаком Тарабукиным на судне «Св. Павел» из Охотска, бывшего воротами России в Тихий океан, а «потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших», и «во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле». Эпидемия продолжалась с сентября 1768 до июля 1769 г., уменьшив население полуострова с 10000 до 3791 человека, а затем, в 1799 г., жёлтая лихорадка вновь сократила его на две трети.
11. *Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery...* P. 666; *Cook J., King J. A Voyage to the Pacific Ocean.* P. 212.
12. *Cook J., King J. A Voyage...* P. 231. Со своей стороны губернатор полуострова майор Магнус фон Бем «часто выражал удивление тем, что наши люди выглядели так хорошо после того, как провели в море почти три года, и говорил, что, судя по нашей внешности, он предположил бы, что мы только что покинули Англию. Не менее был он поражён, услышав, что мы потеряли от болезни так мало людей, и сообщил, что когда русские посылают команды в 60 человек на небольших шлюпах в летнее плавание к берегам Америки и на прилегающие острова, часто случается, что не более 20 или 30 из них возвращаются домой живыми, остальные умирают от цинги и других болезней. Он также был несколько удивлён, узнав, что на «Резолюшн» экипаж состоял всего из 112 человек, а на «Дискавери» – из 70, тогда как русские одномачтовые шлюпы грузоподъёмностью 70 тонн обычно вмещают 60 человек команды». (*Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery...* P. 247). Гилберт писал, что маленькие русские «шлюпы» (галиоты) «грузоподъёмностью 60 или восемьдесят тонн, [и] весьма плохо построены, будучи гораздо более неуклюжими, чем голландские доггеры», и были «чрезвычайно неповоротливыми, а русские – неопытными навигаторами». (*Gilbert G. Captain Cook's Final Voyage...* P. 137).
13. *Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery...* P. 650–651, 653. Гарнизон Петропавловска был настолько насторожен, что во время приёма сошедшей с корабля группы (в состав которой входил и художник экспедиции Джон Вебер, знающий немецкий язык) в доме сержанта [командовавшего гарнизоном. – О. Е.] Кинг заметил, что двое мужчин, включая того, кто понимал немецкий, прятались на кухне с целью «слушать наши разговоры друг с другом, надеясь, что таким образом они смогут распознать, были мы на самом деле англичанами или нет». (*Cook J., King J. A Voyage...* P. 195).
14. Это был опытный мореход Герасим Измайлов (1745–1795/96), который показался британским морякам человеком умным, шовинистически настроенным и злоупотребляющим алкоголем. Александр Хоум, помощник штурмана с «Дискавери», так объяснял ошибку Измайлова: «Неудивительно, что Майлоф [Измайлов. – О. Е.] принял нас за купцов, так как мы, по обыкновению, покупали продукты и изделия в каждой стране, в которой побывали, и большинство из нас не подразумевало под этим ничего другого, кроме того, чтобы по возвращении порадовать своих родственников и друзей любопытными подарками». (*Home A. «An Account of Kamschatska». Australia : National Library of Australia, 1779. P. [39];* Рапорт Измайлова о посещении экспедицией Д. Кука // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. : сб. док. / сост.: Т. С. Федорова, Л. В. Глазунова, Г. Н. Федорова. М., 1989. С. 181–82).
15. *Beniowski M. A. Memoirs and Travels of Mauritius Augustus count de Benyowsky...* : in 2 vol. London : Robinson, 1790; *Сгибнев А. С.* Бунт Бенъевского на Камчатке в 1771 г. // Русская старина. 1876. Т. 15. С. 526–542, 757–769.
16. Настолько, что экспедиция Креницына-Левашева была направлена на Алеутские острова в 1766–1769 гг. в строжайшей секретности, а экспедиция Джозефа Биллингса, – талантливого моряка, участвовавшего в третьем плавании Кука, – организованная в 1785–1794 гг. для исследования крайнего Северо-Востока Сибири и берегов Северо-Западной Америки, была окрещена «Северо-Восточной географической и астрономической экспедицией» и туманно объявлена «экспедицией в северные части России». Собственный отчёт Биллингса не был опубликован, а отчёт его заместителя Гаврилы Сарычева не публиковался до 1802 г. – к этому времени тайное стало явным, и игра шла полным ходом.
17. *Rickman J. Journal of Captain Cook's Last Voyage to the Pacific Ocean.* London, 1781. P. 343.
18. Так и вышло – после того, как экспедиция обнаружила, что на шкурах калана можно получать огромную прибыль в Кантоне, а размер этой прибыли был обнародован, когда в 1784 г. впервые был опубликован официальный отчёт о третьем плавании. Открытие повлекло английских и

американских торговцев в места промысла, превратив северную часть Тихого океана в арену имперского соперничества нескольких держав. Кинг и его люди большую часть шкур, которые они выменяли или получили в дар на Северо-Западном побережье [*Северной Америки*. – О. Е.], продали торговцам на Камчатке, однако позже они обнаружили, что в Кантоне могли бы выручить за них в четыре-пять раз больше. (*David A. The Charts and Coastal Views of Captain Cook's Voyages. London : Hakluyt Society and the Australian Academy of the Humanities, 1997. Vol. 3 : The Voyage of the Resolution and Discovery 1776–1780... P. 301; см. также Cook J., King J. A Voyage... P. 437–440, где Кинг изложил план ведения торговли каланом из Кантона под эгидой Ост-Индской компании*). В год, последующий за публикацией дневников Кука и Кинга, первое нероссийское судно с соответствующим названием «*Sea Otter*» [*«Калан»*. – О. Е.] начало вести морской пушной промысел на Северо-Западном побережье [*Северной Америки*. – О. Е.].

19. В 1785 г. была переведена в Петропавловск, предположительно, для того, по крайней мере отчасти, чтобы легче было противостоять иностранному судоходству в восточных водах.
20. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в... С. 185; *Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий... С. 19.*
21. Он писал, что гарнизоны Камчатки насчитывали всего 398 человек (в том числе 29 – в Петропавловске), многие из них весной болели цингой, и только некоторые из оставшихся здоровыми имеют какую-то амуницию; не хватало формы, использовалась одежда из собачьих и оленьих шкур по местному образцу. Жалованье (деньгами и зерном) было настолько низким, что летом им разрешалось рыбачить и засаливать пойманную рыбу на зиму, чтобы избежать недоедания, так что если их направить на подготовку к обороне, они могут умереть от голода. (*Shchukin N. S. «The English in Kamchatka, 1799» / trans. E. Lieven // Geographical Journal. 1934. Vol. 84. P. 418*). Он также писал: «что, хотя иркутский губернатор предписывал, чтобы в случае прибытия в Камчатку иностранцев не допускать их съезжать на берег более 10 человек, и то для самых необходимых надобностей, но я не встречаю возможности исполнить этого предписания, потому что все ружья у казаков негодны. Из Якутска и Охотска высылают в Камчатку только те из них, которые не могут быть употреблены там в дело. Хорошей артиллерии и канониров также нет. Все имеющиеся здесь пушки скорее сделают вред нашей прислуге, чем неприятелю, а канониры вовсе не знают своего дела, так что при пальбе в высокаторжественные дни редко обходится без несчастия». (*Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий... С. 21*).
22. Кинг отмечал: «Похоже, что наше прибытие сюда сделало эту бухту [Авачу] значительным местом в глазах русских. Они определённо считают, что поскольку мы открыли сюда путь, здесь могут оказаться и другие нации, особенно, французы, которых они очень боятся» (*David A. The Charts and Coastal... P. 277*). Действительно, восемь лет спустя прибыл французский мореплаватель граф Жан-Франсуа де Гало де Лаперуз, хотя и с научной, а не с военной экспедицией. И в том же году русская флотилия из пяти военных кораблей под командованием капитана Григория Муловского должна была направиться из Кронштадта в северную часть Тихого океана для защиты там российских интересов. Однако начавшаяся война сначала с Турцией, а затем со Швецией послужила причиной отмены экспедиции и унесла жизни Муловского и одного из членов несостоявшейся экспедиции корнуольца Джеймса Тревенена, в звании мидшипмена участвовавшего в третьем плавании Кука.
23. Зерно с «Илимской пашни» в Восточной Сибири и товары из Западной Сибири и даже из Европейской части России приходилось перевозить за тысячу миль на лодках вниз по р. Лене в Якутск, откуда они по печально известному своей опасностью тракту перевозились на вьючных лошадях (а скот перегонялся) почти 750 миль в мелководный и незащищённый от непогоды Охотский порт для отправки на Камчатку по туманному холодному Охотскому морю на небольших судах.
24. Настолько, что английские офицеры были глубоко разочарованы, узнав в Большерецке, что новости губернатора об Англии были не свежее их собственных трёхлетней давности (*Cook J., King J. A Voyage... P. 201–211*).
25. *Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery... pt. 1. P. 647; pt. 2. P. 255; Cook J., King J. A Voyage... P. 370; Gilbert G. Captain Cook's Final Voyage... P. 139.* Но более всего английские матросы, чей запас табака «полностью исчерпан... умоляли дать им немного по любой цене, многие из них клялись, что не могут существовать без него» (*Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery... pt. 1. P. 658–659*).
26. Для получения информации о Беме см.: *Barratt G. Report of Russian and Soviet Materials Bearing on the Life and Work of Magnus Karl von Behm (1727–1806). Seattle : University of Washington Libraries, 1989; См. также: [Бем М.] Важнейшие обстоятельства жизни и службы бывшего камчатского начальника Бема // Северный архив. 1836. Ч. 22, № 13. С. 33–47 и Шлун Д. И. Магнус Карл фон Бем // Сибирский вестник. СПб., 1823. Ч. 1. С. 1–15.*

27. *Cook J., King J. A Voyage...* P. 196.
28. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в... С. 185.
29. *Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery...* pt. 1. P. 673.
30. Там же. P. 658, 673–674.
31. Там же. P. 666; см. также: *Cook J., King J. A Voyage...* P. 226–227.
32. *Cook J., King J. A Voyage...* P. 219.
33. Там же. P. 221, 223, 225; см. также: *Rickman J. Journal of Captain Cook's...* P. 346–347.
34. *Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery...* pt. 1. P. 673; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в... С. 185.
35. *Cook J., King J. A Voyage...* P. 227.
36. Там же.
37. *Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery...* pt. 2. P. 269.
38. *Gilbert G. Captain Cook's Final Voyage...* P. 146; *Rickman J. Journal of Captain Cook's...* P. 365–366.
39. *Gilbert G. Captain Cook's Final Voyage...* P. 151.
40. Кинг сам предлагал план по ведению этой торговли (*Cook J., King J. A Voyage...* P. 437–439). Он также писал, что «неистовое желание» членов команды вернуться из Макао в северную часть Тихого океана «за следующим грузом шкур, чтобы сделать состояние...было близко к мятежу» (там же. С. 437). Действительно, накануне отплытия эскадры к мысу Доброй Надежды двое из команды «Резолюшн» – 33-летний вахтенный интендант Джон Кейв и 22-летний талантливый моряк Майкл Спенсер «соблазнились бытующим представлением о том, как можно разбогатеть, вернувшись на пушные [Алеутские] острова», и попытались обойти других в этой беспротестной перспективе, дезертировав под покровом темноты на «большом [шестивесельном] куттере» своего корабля, и, несмотря на двухдневные поиски, «впоследствии о них ничего не было известно». (*Beaglehole J. C. The Voyage of the Resolution and Discovery...* pt. 2. P. 714; *Cook J., King J. A Voyage...* P. 441; *Rickman J. Journal of Captain Cook's...* P. 387).
41. *Gilbert G. Captain Cook's Final Voyage...* P. 157–158.
42. [Бем М.] Важнейшие обстоятельства жизни и службы... С. 43.
43. *Ridgewell C. «Karl Magnus von Behm, Governor of Kamchatka» // Cook's Log, 33 : 4 (2010). P. 4.*
44. *Thornton C. «Two Prints of Kamchatka» // Там же. P. 19–20.*
45. British Museum. Add. MS 8098. Fols. 416–424 v. *Behm M. Letters to Sir Joseph Banks.*
46. Шлун Д. И. Магнус Карл фон Бем... С. 14.
47. Бем оставил неопубликованный отчёт о Камчатке под названием «Описание земли Камчатки, сочинение Премиер-Майора фон-Бема, в Новом Боксгофе, в Дерптской округе», найденном известным естествоиспытателем Петром Симоном Палласом. Отчёт хранится в Москве в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив). Раз. II-33. Оп. 74.